ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN — POLONIA
VOL. II, 7 SECTIO H 1968

Z Katedry Historii Poludniowych Slowian Uniwersytetu im. Iwana Franki we Lwowie
Kierownik: prof. dr D. L. Pochyłewicz

Николай КРИКУН

К вопросу заселенности Подольского воеводства в конце XVII в. *

Problèmes de la population de la voïvodie de Podolie vers la fin du XVIIe s.

Во второй половине XVII в., вследствие громадных опустошений и разрушений, вызванных войнами, татарскими набегами и турецким господством, численность населения Подольского воеводства сильно сократилась. В 50—60 гг. большая часть населения разбежалась, погибла или была пленена татарами [1], а в период турецкой оккупации (1672—1699 гг.) переселилась в Русское и Волынское воеводства [2]. Таким образом, можно с уверенностью говорить о демографическом кризисе на Подолье в указанное полустолетие. Изучение этого кризиса связано с большими трудностями из-за крайне фрагментарного характера дошедших до нас сведений.

В настоящей работе автор старается осветить вопрос заселенности Подолья в момент возвращения его Турцией Речи Посполитой, т. е. в самом конце XVII в. В конечном итоге это поможет полнее представить картину опустошений и уменьшения численности населения в

* Praca została zreferowana przez autora na posiedzeniu Katedry Historii Gospodarczej Wydziału Ekonomicznego UMCS w dniu 14 III 1966 r.

1 Частично судеб подольского населения в 50—60-х гг. мы коснулись в статье *Ważliwe dżereło dla wywczennia istoriji mist i sił Ukrajiny (Lustracija Podilśkoho wojewodstwa 1665 r.)*, „Naukowo-informacijnyj biuleteń archiwnoho uprawlinnia URSR, 1963, № 3, стр. 19—29. См. также: Н. Г. Крикун: *Народонаселение Подольского воеводства в XVII—XVIII вв.* Автореферат кандидатской диссертации, Львов 1965, стр. 11—12.

2 Н. Крикун: *Materiały po pereselennia narodnych mas z Podilla w ostanij czwerti XVII st.*, „Naukowo-informacijnyj biuleteń archiwnoho uprawlinnia URSR", 1964, № 6, стр. 63—68. Об эмиграции подольской шляхты в период турецкого господства: Крикун: Народонаселение..., стр. 13—14.

крае во второй половине XVII в., а также выделить то главное, что характеризует историю заселения Подольского воеводства в течение первых десятилетий XVIII в.

Только некоторые авторы в своих работах касались затронутой нами проблемы, да и то вскользь, ибо свое основное внимание они обращали на изучение размеров хозяйственного упадка, на кое-какие аспекты заселенности Правобережной Украины во второй половине XVII в. Следует отметить, что, как правило, утверждения этих авторов о заселенности Подолья в конце XVII в. почти или вовсе не обоснованы, ибо построены без учета материала источников.

Мнение исследователей обычно сводится к тому, что Подолье досталось Польше почти совсем обезлюдневшим либо очень слабо заселенным. В. Марчинский писал:

„Turcy wszystkie [...] wsi i miasta spalili tak, iż całe Podole, prócz Kamieńca, przemieniło się w pustynię: i uprawiano jedynie tę część ziemi, która od twierdzy Kamieńca do ruin Żwańca się rozciągała." [3]

Неплохой знаток подольской старины Ю. Ролле [dr Antoni J.] так рисует картину опустошенности края, представшую перед глазами возвратившейся шляхты:

„Dziwnie opłakany stan przedstawiało Podole po usunięciu zeń Turków: sześć miasteczek na całym jego obszarze naliczyć można było, wsie w gruzach porosłych chwastem, pola odłogiem leżące, komunikacji brak zupełny, reprezentowało ją ledwie kilka ścieżek wydeptanych przez karawany rozwożące towary wschodnie do Szarogrodu, Międzyboża, Baru [...]; ludzi prawie nie było i to poturmaki (odszczepieńcy) zamiłowani w lenistwie jak Muzułmanie, w rabunku jak Lipkowie. Trzeba było na nowo kraj kolonizować." [4]

Е. Ефименко относила территорию Подольского воеводства к пустынным районам Правобережной Украины последней четверти XVII в., отмечая, что лишь липки и другие бродяги ютились кое-где в крае, да ещё население было в Каменце.[5] В. Антонович считал район Подольского воеводства на рубеже XVII и XVIII вв. очень малолюдным.[6] Подобную мысль высказывали также П. Батюшков [7] и В. Ге-

---

[3] W. Marczyński: *Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gubernii Podolskiej*, t. 1, Wilno 1820, s. 75.

[4] Dr Antoni J. [J. Rolle]: *Zameczki Podolskie na kresach multańskich*, t. 1, Warszawa—Kraków 1880, s. 175.

[5] А. Я. Ефименко: *Очерк истории Правобережной Украины*, [в:] Южная Русь, т. I, СПб. 1905, стр. 98.

[6] Антонович отмечал, что в конце XVII — в начале XVIII в. польская шляхта застала в состоянии полного запустения $^2/_3$ Подольской губернии (в границах конца XVIII в.); $^1/_3$ территории губернии, продолжает он, была в то время заселена „весьма слабо" (*Архив Юго-Западной России*, ч. VI, т. II, Киев 1870, Предисловие, стр. 31). Есть основание полагать, что к малолюдной территории украинского Поднестровья, вошедшего позже в состав Подольской губернии, Антонович относил главным образом бывшее Подольское воеводство. Это вид-

ринович.[8] Л. Бялковский писал, что войны и турецко-татарские набеги на Подолье „całe Kluczy [...] obróciły w perzynę".[9] В. Серчик фактически согласен с мнением Ю. Ролле.[10] Несколько иную позицию, чем указанные авторы, занимают А. Баранович и Г. Сергиенко. Они выступают против преувеличения запустения Подолья в конце XVII в.[11] Сергиенко, даже на основании известного факта, что подольская шляхта в июле 1702 г. выставила из своей среды около 500 всадников для борьбы против восставшего народа под водительством С. Палия [12], делает весьма сомнительный вывод, что в то время (т. е. и в год заключения Карловицкого мира) в Подольском воеводстве было не менее 250 (?) „неразрушенных имений".[13]

Сомневаться в наличии населения на Подолье в период турецкой оккупации не приходится. Некоторые опубликованные документы неопровержимо свидетельствуют о том, что хотя тогда край был очень опустошен, вовсе безлюдным он не был. Вот что писал из обоза между Язловцом и Днестром 6 ноября 1684 г., во время войны Польши с Турцией, каменецкий епископ Станислав Военский польскому резиденту при папском дворе Яну Каролю Матесиляни:

„Spustoszywszy resztę kraju około Kamieńca, aby liczna jego załoga nie mogła dostać żywności, i nie przestając na tym zabraliśmy z sobą i przenieśli w inne strony mieszkańców wszystkich pobliższych wsi i miasteczek, ażeby i nadal nie było rąk do uprawy roli."[14]

но из того, что несколько ниже в той же работе он, говоря о бегствах подданных на Брацлавщину и юг Киевщины, называет, в частности, район, откуда бежали крестьяне, — Западное Подолье (там же стр. 32); под последним в российской историографии обычно понимали Подольское воеводство.

[7] П. Н. Батюшков: *Подолия, историческое описание*, СПб, 1891, стр. 140, 150.

[8] В. Геринович: *Kamjaneczczyna. Czastyna druha. Naselennia i joho ekonomiczna dijalnist'*, [в:] Zapiski Kamjanec-Podilśk. Institutu narodnoji oswity, т. 2, Каменец Подольский 1927, стр. 17, 82.

[9] Ł. Białkowski: *Na rubieży podolsko-ukrainnej (w. XV—XVII)*. „Kwartalnik Historyczny", R. XXXIX, 1925, s. 606.

[10] W. Serczyk: *Gospodarstwo magnackie w województwie podolskim w drugiej połowie XVIII w.*, Wrocław—Warszawa—Kraków 1965, s. 23.

[11] А. И. Баранович: *Опустошение и восстановление Правобережной Украины во второй половине XVII и начале XVIII в.*, „История СССР", 1960, № 5, стр. 154; Г. Я. Сергиенко: *Wyzwolnyj ruch na Prawobereżnij Ukrajini w kinci XVII i na poczatku XVIII st.*, Киев 1963, стр. 16, 17, 20.

[12] *Архив Юго-Западной России*, ч. VIII, т. II, Киев 1894, стр. 151—159.

[13] Сергиенко: *op. cit.*, стр. 20.

[14] *Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690*, t. II, Berlin—Poznań 1864, s. 445. В свете этого факта утверждение Дюпона (принимавшего участие в походе Яна Собеского на Каменец в 1684 г. и описавшего этот поход), что Подолье представляло собой совершенно безлюдный

Relatio actorum in castris anno 1686. Sub clava Stanislai Jabłonowski [...] *Supremi Exercituum Ducis* содержит один интересный факт: после безуспешных попыток выманить турок из Каменца польские войска, чтобы лишить турецкий гарнизон продовольствия, прибегли к уничтожению посевов зерновых (*frumentorum*) вокруг Каменца; посевы занимали настолько большую площадь (*rastitas agrorum*), что на их уничтожение потребовалось бы несколько недель.[15] В этом факте содержится косвенное указание на наличие населения в окрестностях Каменца. Из письма гетмана Станислава Яблоновского Яну Собескому от 18 октября 1692 г. (из Львова) видно, что в то время Сатанов был заселенным местечком.[16]

Нами, к сожалению, не были обнаружены материалы польского или украинского происхождения, с помощью которых можно было бы проследить заселенность хотя бы части городов и сел Подолья в период, предшествовавший уходу турок. Это будет понятно, если принять во внимание, что тогда в крае правила турецкая администрация, а подольская шляхта находилась в эмиграции. О соответствующих турецких источниках нам лишь известно, что они существуют.[17] Документов времени возвращения Подолья Речи Посполитой сохранилось очень и очень мало.

В силу указанных причин для уяснения заселенности Подолья в конце XVII в. мы вынуждены обратиться к отдельным документам первой половины XVIII в., преимущественно к тем, которые возникли в 1700—1710 гг. В этих документах отражаются те большие потрясения, которые перенесло население Подолья. Поскольку в первой половине XVIII в. опустошения в крае были сравнительно невелики и в целом существовали благоприятные условия для ведения

край (кроме Каменца), является просто удивительным. P. Dupont: *Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des actions de Jean Sobieski,* Varsovie 1885, p. 175.

15 A. C. Załuski: *Epistolarum historico-familiarium tomi I-mi pars II. Acta Joannis Tertii,* Brunebergae 1710, p. 960.

16 *Starożytności historyczne polskie.* Z rękopisów zebrał Ambroży Grabowski, t. 2, Kraków 1840, s. 510.

Наличие населения в Сатанове в турецкое время подтверждается также одним из документов 1713 г., в котором рассказывается о продаже из-за голода сатановской девочки туркам в Каменце (Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве (дальше КЦГИА), ф. 50 (Сатановский магистрат), оп. I, д. I акт кн. 5860, л. 61—62).

17 Проф. Яну Рейхману из частных источников стало известно, что в архиве президиума Совета Министров в Стамбуле хранятся несколько дефтеров (очень ценных, в частности, в демографическом отношении) периода оккупации Подолья Турцией; их название — „дефтер—и—Каменича" (Ян Рейхман: *Turećki archiwy i jich znaczennia dla doslidżennia istoriji Ukrajiny,* „Archiwy Ukrajiny" 1966, № 4, стр. 15).

хозяйства, эти потрясения, несомненно, надо связывать, с событиями второй половины XVII в., а в первую очередь с турецким господством. Конечно, наши выводы будут тем относительнее, чем позже появились изучаемые нами документы. Думается, однако, что использованный нами метод правомерен, тем более, что автор не претендует на окончательное решение поставленной проблемы; предлагается только один из вариантов её решения, пока что, кажется, единственный.

Оговоримся сразу: мы не собираемся давать статистику населения Подольского воеводства или отдельных его районов, хотя бы по той простой причине, что нет необходимых источников. Цель автора намного скромнее: показать в каком демографическом состоянии находилось Подолье в конце XVII в. Делает это автор на основе детального разбора содержания выявленных источников (главным образом, имущественной документации), характер которых в целом не вызывает сомнений в достоверности содержащихся в них сведений. Лишь некоторые из этих источников были в свое время опубликованы, остальные же вводятся в научный оборот впервые.

Остановимся прежде всего на содержании инвентарей — наиболее важного источника. Самый ранний инвентарь — инвентарь Кошиловецкого ключа (в Червоногродском повете) — восходит к 1700 г. Этот ключ прнадлежал Яну Конецпольскому и состоял из пяти сел. Из них в 1700 г. Цаповцы и Григоровцы „ludzi w sobie nie mają, pusto leżą".

В Кошиловцах только один подданный[18] — осадчий Гусак, в обязанности которого входило заселять пустырь. В Шуторминцах проживало лишь восемь семей слобожан, в Садках — осадчий Лазор, мельник и 20 семей подданных „co na słobodę przyszli". Никто из подданных Ключа не нёс еще повинностей.[19]

Инвентарь местечка Зинькова (в Летичевском повете), в связи с отдачей его в арендную посессию вместе с совершенно безлюдным

[18] Для избежания излишних повторений: везде, где речь идет о количестве подданных — крестьян и мещан, имеем в виду хозяйства, семьи.

[19] Центральный государственный исторический архив во Львове (дальше: ЛЦГИА), ф. 17 (Теребовельский гродский суд), акт кн. 146, стр. 651—652. В марте 1704 г. в Кошиловцах было уже 32 подданных, в том числе осадчий Тимофей, в Шуторминцах — 17 (среди них осадчий Тымко Дохват), в Садках — 48 подданных, между которыми встречаем осадчего Лазора. Все крестьяне трех сел, кроме осадчего в Кошиловцах, отбывали повинности, из которых основной была еженедельная барщина — 1—2 дня (*Архив Юго-Западной России*, ч. VI, т. II, стр. 8—12). Налицо, таким образом, восстановление в ключе хозяйства, составным элементом которого была колонизация. Однако Цаповцы и Грегоровцы к марту 1704 были еще совершенно пустынны, если не считать осадчего в Цаповцах (там же, стр. 12).

селом Глушковцами (в Каменецком повете) был составлен в мае 1701 г. Согласно инвентарю в местечке насчитывалось всего 44 хозяйства подданных и три еврейские семьи. Характерно для Подольского воеводства начала XVIII в. то место инвентаря, где идет речь о повинностях мещан Зинькова:

„[...] powinności tych mieszczan jeszcze nie masz ustanowionej, tylko teraz od nich ma należeć dziesięcina pszczelna nullo excepto, a na rok robocizny zażynki, obżynki, zakoski i obkoski do dalszej pana dziedzicznego [А. М. Сенявского — Н. К.] decyzji i woli." [20]

Чтобы лучше оттенить тот факт, что Зиньков в 1699 г. достался его владельцу сильно разрушенным и малолюдным, достаточно сказать, что в 1629 г. его жители уплатили подымное с 831 дыма-дома [21], а уже в 1642 г. в нем было 1010 хозяйств.[22] Накануне же оккупации Подолья турками в 1671 г. Зиньков, если верить видевшему его тогда У. Вердуму, весь лежал в развалинах.[23]

В 1699 г. по всей вероятности почти отсутствовало население в селе Калине Каменецкого повета. Наше предположение основано на данных инвентаря 1703 г., возникшего при передаче села шляхтичам Баворовским в счет старого долга. В инвентаре приводятся сведения о семьях 25 подданных, причем относительно 23-х указано, сколько лет каждая из них проживала в селе. Оказывается, что дольше всех — 4 года — находятся в Калине осадчий Павло и Иван Угрин, 8 семей прибыли в село за три года до составления инвентаря, 9 — за два года, 2 семьи поселились в 1702 г., 2 — в 1703. Две семьи обозначены в документе как „dziedzicy" [24], но это не означает, что они были сторожилами. Осадчий Павло ведь тоже считался дедичем, хотя его привел с собой в Калине из другого села шляхтич Жешовский.[25]

Освещение рассматриваемой нами проблемы возможно также благодаря инвентарю Летичевского староства за 1707 г. В староство входило тогда местечко Летичев и 9 сел. Четыре села (Бохны, Белецке,

---

20 Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rkp 4167, K. 20—21. В 1703 г. мещане Зинькова отрабатывали уже, кроме указанных так называемых летних дней, однодневную барщину еженедельно (там же, к. 62—63).

21 КЦГИА, ф. 36 (Комиссарский суд Подольского воеводства), д. 2, акт. кн. 3637, л. 7.

22 Bibl. Czartor., rkp. 4167, k. 2—12.

23 X. Liske: *Cudzoziemcy w Polsce*, Lwów 1876, s. 141. Вердум писал: „Z miasta nic nie pozostało jak tu i owdzie kawał muru, który je otaczał i rudera dwóch Kościołów [...]".

24 О дедичах на Подолье в первой половине XVIII в. см. ниже.

25 Государственная научная библиотека во Львове (дальше: ЛГНБ), Фонд Баворовских, тека XVI.

Черешенка, Войтовцы) — были „jeszcze nie osiadłe", никто в них не жил. Остальные пять сел и местечко находились в состоянии колонизации. Слобожане в них составляли 38,7% всего христианского населения, а вместе с евреями в Летичеве, которые тоже селились в слободах, — 43,1%. В пяти селах староства количество слобожан в целом (69%) превышало количество подданных, отбывавших повинности (51%). Слобожане составляли большинство в Голенищове (56,5%), в Сусловцах (80%), в Половцах слобожанами было все население (табл. 1). Известно время оседания слобожан в некоторых селах: в Горбасове, Сусловцах и Половцах — все жители в 1707 г., т. е. накануне составления инвентаря, в Щодрове — трое в 1706 г., трое — в 1707 г.[26] Таким образом, села Летичевского староства в то время были пустынными либо полупустынными (за исключением Горбасова, см. табл. 1). Это, безусловно, явилось следствием опустошенности староства во второй половине XVII в.[27]

Тогда же значительному разрушению подверглись села Козлов, Липчаны и Гречаны [28], расположенные на юге Летичевского повета. Косвенно об этом можно судить по инвентарю 1714 г.: в Козлове проживало 18 семей подданых и „kilkoro słobodzianów", в Липчанах — 6, Гречанах — 3 [29], причем в определенной мере наличие этого населения явилось результатом колонизации в начале XVIII в.[30] Для сравнения приведем число дымов-домов в этих селах в 1629 г.: в Козлове — 80, Липчанах — 16, Гречанах — 12.[31] Проезжая в начале 1672 г. через Козлов, У. Вердум записал в своем дневнике: „zupełnie spustoszony", о Липчанах — „licha wieś".[32]

---

[26] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie ((дальше: AGAD), Archiwum publiczne Potockich, rkp. 341 (13).

[27] Надо, конечно, учитывать и тот ущерб, который Летичевскому староству, как и многим другим имениям на Подолье, был причинен в ходе подавления восстания под водительством Палия в 1702—1703 гг. Из-за состояния источников, однако, выразить ущерб в какой-либо мере конкретно крайне трудно. О том, что восстание 1702—1703 гг. коснулось Летичевского староства, см: J. Perdenia: *Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII—XVIII w.*, Wrocław—Warszawa—Kraków 1963, s. 184.

[28] Гречаны в документах XVII—XVIII вв. иногда названы Кривчанами или Бернашовкой.

[29] ЛГНБ, Фонд Дзедушицких Потужиской библиотеки, д. 323(252), л. 16, 19, 20, 21, 65. Инвентарь составлен по поводу передачи сел из рук одного владельца в руки другого.

[30] В 1714 г. в Козлове было два осадчих, в Гречанах — один (ЛГНБ, ф. Дзедушицких Потужиской библ., д. 323 (252), л. 16, 21, 65).

[31] КЦГИА, Ф. 36, д. 2, акт. кн. 3637, л. 19, 21, 25.

[32] Liske: *op. cit.*, s. 177.

Табл. 1. Количество хозяйств-семей в Летичевском старостве в 1707 г.

Поселения	Евреи	Подданные		Всего
		на повинностях	на слободе	
Летичев	21	117	37	175
Горбасов	—	31	13	44
Щодрова	—	6	6	12
Сусловцы	—	4	16	20
Голенищов	—	10	13	23
Поповцы	—	—	21	21
Всего:	21	168	106	295

В конце XVII в. крайняя опустошенность была характерна для 15 сел на юге Летичевского повета, составлявших *bona Boguszowiana*. Заселенность их по инвентарю 1718 г.[33] показана в табл. 2. Там же приведены сведения о численности дымов-домов в селах в 1629 г. Подсчет показывает, что в девяти сравниваемых селах в 1629 г. имелось 745 домов, уплативших подымное, а в 1718 г., т. е. через 89 лет, лишь 253 хозяйства подданных, служилой шляхты и попов. Только в Сниткове в 1718 г. было больше хозяйств, чем в 1629 г.[34] В 1718 г. безлюдными были пять сел, такими они оставались несколько десятилетий. Доказательством этого может быть, в частности, то, что пустынными они обозначены еще в реестре уплаты поголовной подати за 1662 г.[35] В 1629 г. в трех из пяти сел (Богушовке, Калевке и Кривокоринцах) подымное было уплачено в целом с 164 домов (табл. 2).

Укажем также на инвентарь 1722 г. села Нагорян и половины села Жван, расположенных над Днестром в Летичевском повете. И этот

---

[33] Инвентарь появился после смерти Яна Богуша, при разделе сел между его наследниками.

[34] Сведения подымных реестров 1629 г. и инвентарей сопоставимы, так как подымные реестры 1629 г., кое-где и 1630 г., в целом верно отражали наличие домов, хотя им свойственна тенденция несколько занижать данные (А. И. Баранович: *Население Предстенной Украины в XVI в.*, „Исторические записки", т. 32, М., 1950, стр. 204; M. Horn: *Zaludnienie województwa bełskiego w 1630 roku*, „Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych", t. XXI, Poznań, 1960, s. 78). Сопоставляя сведения подымного реестра 1629 г. и инвентаря сел Богушей за 1718 г., отметим, что в 1629 г. в селах подымное вносили, кроме крестьян, служилая и чиншевая шляхта, имевшая свои хозяйства, и православные священники („Volumina Legum", t. 3, Warszawa 1784, s. 606; M. Horn: *op. cit.*, s. 81; *Архив Юго-Западной России*, ч. VI, т. I (приложение), Киев, 1876, стр. 469).

[35] AGAD, Archiwum Skarbu Koronnego, dz. I, ks. 71, K. 405. Пустынным в 1662 г. был также Снитков (там же).

источник может косвенно свидетельствовать о большой руине, которую шляхта застала на Подолье в 1699 г. В 1722 г. в Нагорянах числилось 9 хозяйств подданных, а в половине Жвана — 19. В Нагорянах встречаем осадчего Станислава Дутку [36], это говорит о том, что село находилось в состоянии колонизации. В 1722 г. обоим селам еще было далеко до заселенности их в 1629 г.: тогда Нагоряны внесли подымное с 44 домов, а целый Жван — с 74.[37]

Некоторые инвентари первой половины XVIII в., приводя сведения о том, как колонизовались подольские города, местечка и села, указывают на то, кто из подданных является пришельцем из других имений — „прихожим", а кто „дедичем" — сторожилом.[38] Подсчеты убеждают, что, как правило, хозяйств дедичей было намного меньше, чем хозяйств прихожих, в некоторых поселениях дедичей не было вовсе. Надо иметь в виду, что согласно инвентарям, дедичами

Табл. 2. Заселенность 15 сел на юге Летичевского повета в 1629 и 1718 гг.[39]

Села	Число дымов-домов в 1629 г.	Число хозяйств в 1718 году			
		подданных	служилой шляхты	православных священников	вместе
Гуле	88	12	2	3	17
Конищов	96	28	1	1	30
Михайловцы	136	50	—	—	51
Богушовка	118	пусто			
Калёвка	29	пусто			
Кривокоринцы	17	пусто			
Курашовцы	87	21	—	1	22
Нишовцы	104	9	2	—	11
Жеребиловка	—	—	3	—	3
Ольчидаёв Нижний	100	28	—	1	29
Кукавка	43	16	2	—	18
Ломозов (Ветшанка)	—	пусто			
Снитков	45	63	—	1	64
Соповка	—	пусто			
Долиняны	46	11	—	—	11

[36] ЛГНБ, Фонд Дзедушицких Потужиск. библ., д. 322 (250), л. 47—48.

[37] КЦГИА, Ф. 36, д. 2, акт. кн. 3637, л. 31, 51.

[38] В некоторых источниках дедичи названы по-латински — „haeredes", „haereditarii".

[39] КГЦИА. Ф. 36, д. 2, акт. кн. 3637, л. 10, 13, 15, 20, 22, 23, 28, 30, 32, 46 (1629 г.) ЛГНБ, Ф. Бурштынского замка, д. 127, фасц. 134, л. 89—91 (1718 г.). Сведения о количестве дымов в 1629 г. в Жеребиловке, Ломозове и Соповке обнаружить не удалось.

считались и подданные, прибывшие из других (где бы они не находились) имений владельца местечка или села. К дедичам относили также тех, кто родился от прихожих после того, как они прибыли на поселение (так называемые *nativi subditi*), и тех, кто в годы турецкого господства переселился на Волынь или в Русское воеводство, а после ухода турок возвратился назад на Подолье. О таких дедичах инвентари почти не упоминают. Составителям их было вполне достаточно указания на то, что тот или иной подданный является дедичем. Это было связано с практикой выдачи беглецов, широко распространенной на Подолье в первые десятилетия XVIII в.: в отличие от прихожих, год прибытия которых в поселения (или время пребывания в них) приводится в инвентарях, дедичей, если они такими действительно были по отношению к владельцу, не отдавали, кто бы не требовал их возвращения.[40]

В 30 поселениях Меджибожской волости в 1717 г. (волость тогда принадлежала А. М. Сенявскому и находилась в северной половине Летичевского повета) насчитывалось 2403 хозяйства, из них евреям принадлежало 201 хозяйство (в городе Меджибоже и местечке Николаеве), служилой и чиншевой шляхте — 38 и подданным — 2164 хозяйства. 27 хозяйств евреев составителями инвентаря 1707 г. названы дедичными, 150 — прихожими, о 24 хозяйствах неизвестно, дедичные они или прихожие. Из общего числа подданных крестьян и мещан лишь 620, т. е. 28,7%, были дедичами, остальные 1506, т. е. 69,6% — прихожие, а о 38 необходимые сведения отсутствуют. Следует отметить, что в восьми селах не было ни одного дедича, в Миколаеве и в других четырех селах имелось лишь по одному дедичу, в Мытковцах и Волосовцах — по три. Большинство подданных дедичей (340 из 620) проживало в Меджибоже и местечках Старая и Новая Сенява, здесь они составляли 31,8% от общего числа всех христианских хозяйств. В четырех хуторах и восьми селах волости дедичей было сравнительно много — 269 и 586, т. е. 45,9% (см. табл. 3).

---

[40] Отдавали подданных лишь тогда, когда убеждались, что они *nativi et haereditarii* того, кто требовал их возвращения. Вот что, например, писал А. М. Сенявский стольнику Константину Еловицкому в ответ на него просьбу выдать его подданных, убежавших из Лановецкого ключа (на юге Волынского воеводства) и находившихся в Миколаевском ключе (на севере Летичевского повета) — собственности Сенявских: „Zaraz tedy napiszę do J. Pana gubernatora mego [в Миколаеве — Н. К.], aby uczynił inkwizycje według prawa. Jeśli są nativi et haereditarii WM Pana extradentur". (ЛГНБ, Лановецкий архив Еловицких, тека XV, № 73; см. также тека XIV, № 67). Губернатор Меджибожской волости Жан Десье 17 мая 1728 г. в письме к Софье Сенявской отмечал, что по ее приказу выдаст шляхтичу Чацкому ее дедичных подданных (Bibl. Czartor., rkp. 5796, s. 345).

Часть дедичей в Меджибожскую волость возвратилась из Волынского воеводства. Так, Степан прибыл в хутор Шрубков из Берестечка, Ясько Пилипшин — в хутор Пронилов из Луцка, Матвей Демчишин — в Новую Сеняву из Любара [41] и т. д.

Некоторые подданные дедичи прибыли в волость из неподольских имений А. М. Сенявского. Так, в 1717 г. в Меджибоже проживало 27 семей, пришедших из местечка Олешин над Саном [42], несколько семей прибыло из Бережан (Галицкая земля).[43]

Губернатор Меджибожчины Жан Десье, подчеркивая свои заслуги в деле колонизации волости, отмечал в письме к Софье Сенявской в августе 1730 г., что когда он приступил впервые к управлению подольскими имениями Сенявских, то он застал в Меджибоже „tylko półpiętej chałupy, a po wsiach żadnej”.[44] Шимон Церенович, пленипотент подольских имений Сенявских, а затем Чарторыйских, живший в начале XVIII в. на Подолье около Меджибожа, писал в 1753 г. в своей работе *Plac prawnych prac* [45], что после ухода турок Меджибож достался Сенявским почти безлюдным, заросшим кустарниками, лишь под замком ютилось несколько мещан.[46] Как косвенно показывает инвентарь Междибожской волости 1717 г. и Десье, и Церенович сильно преувеличивали размеры опустошений. Но тот же инвентарь убеждает нас в том, что в основе их утверждений лежала действительно большая опустошенность и плохая заселенность волости в самом конце XVII в.[47]

К подобному выводу приходим изучая следующие инвентари: села Зианковцы (в Зиньковском ключе) за 1717 г. (среди 15 крестьян-

---

[41] Bibl. Czartor., rkp. 4035, k. 44, 45, 112.

[42] Там же, K. 9—21. См. также ЛГНБ, Ф. Оссолинских, д. 3268, т. I, стр. 32.

[43] Bibl. Czartor., rkp. 4035, k. 9—21.

[44] Там же rkp. 5796, s. 205. Десье в том же письме пишет: „Wtedy dzielili na pięć części Międzybożczyznę, potym jak przybyło z kilka tysięcy osadcy, to musiałem dzielić na kilka tysięcy” (s. 205—206).

[45] Хранится во Львовской Государственной научной библиотеке, Ф. Оссолинских, д. 3268, т. 1—2. О Ш. Цереновиче см.: K. Buczek: *Z dziejów polskiej archiwistyki prywatnej (archiwa XX. Czartoryskich)* [в:] *Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby*, t. II, Kraków 1938, s. 52.

[46] ЛГНБ, Ф. Оссолинских, д. 3268, т. I, стр. 31.

[47] Интересно в связи с этим отметить, что в 1571 г. в Меджибоже и Старой Сеняве числилось намного больше домов, чем хозяйств дедичей в 1717 г. В 1571 г. в половине Меджибожа находилось 160 домов украинцев, поляков и евреев, во всей Старой Сеняве — 174 (L. Białkowski: *Podole w XVI wieku. Rysy społeczne i gospodarcze*, Warszawa, 1920, s. 97). Подобных данных для поселений Меджибожской волости не обнаружено. В 1717 г. хозяйств дедичей было соответственно 201 и 93 (см. табл. 3). Данных о количестве домов-дымов в этих городских поселениях за 1629 г. не сохранилось.

ских хозяйств ни одного дедичного)[48], сел Пилявцы и Карповцы (на севере Летичевского повета) за 1730 г. (в первом из 117 хозяйств лишь 30, т. е. 25,6%, дедичные, во втором все 12 подвладных — прихожие)[49], села Иляшовки (там же) за 1732 г. (только 5 подданных из 62 являлись дедичными)[50] и Хмельницкого староства (в северо-восточной части Летичевского повета) за 1739 г. (в местечке Хмельнике и 15 селах[51] из 1074 хозяйств мещан-христиан и крестьян 294, т. е. 27,4%, были дедичные).[52]

Интересный материал, дополняющий инвентарные данные, встречаем в актах, составленных как правило при заключении соглашений (контрактов) об отдаче в арендное либо заставное владение имений вскоре после ухода турок и в начале XVIII в. В отличие от подобных документов более позднего периода (до турецкой оккупации) в них содержатся не только обычные юридические формулы, но и краткие, сжатые упоминания о состоянии арендуемых или закладываемых имений. Делали так по необходимости, ибо из-за разрушенности имений не было зачастую смысла составлять инвентари в качестве приложения к документам, написанным при заключении контрактов. В начале октября 1699 г. администратор столового имения Каменецкого епископства Ян Длужевский заключил соглашение с житомирским подчашим Александром Контским. В документе, составленном по этому поводу, указано, что в имении „tylko uroczyska pozostały, gdzie przedtem wsie były”. Контский получал в четырехлетнее простое владение, начиная с 1700 г., местечко Чорнокозинцы и село Зеньковцы

---

[48] Bibl. Czartor., rkp. 4043, k. 136—137.

[49] ЛГНБ, Ф. Чоловского, д. 1353, стр. 5—10. В обоих селах в 1730 г. было еще 6 шляхетских семей.

[50] Там же, д. 1342, стр. 5—7. В Иляшовке также проживало 5 шляхетских семей.

[51] Это такие села: Широкая Гребля, Курыловцы, Трыбуховцы, Ивча, Багрыновцы, Дубова, Винниковцы, Войтовцы, Качановка, Семки, Мытник Большой, Мытник Малый, Оссолинка, Майдан, Майданик Багриновецкий.

[52] Н. Г. Крикун: *Z-istoriji zaselennia Podilškoho wojewodstwa w perszij połowyni XVIII w.*, „Wisnyk Lwiwškoho derżawnoho uniwersytetu im. Iw. Franka”. serija istoryczna, Львов 1965, стр. 73, табл. I. В старостве числилось также 68 хозяйств служилой и чиншевой шляхты, а в Хмельнике, кроме того, 55 семей евреев (там же). Надо сказать, что названия пяти последних из указанных выше сел не встречаются в документах XVII ст. (это не означает, конечно, что в XVII в. на их месте не существовали поселения). Села с такими названиями возникли в первой половине XVIII в. (например, Оссолинка в год составления инвентаря староства; там же, стр. 75), в них в 1739 г. числилось 149 крестьянских хозяйств, из которых лишь 5 были дедичными. В Хмельнике же и остальных десяти селах дедичи составляли 31,30% всех хозяйств мещан--христиан и крестьян (там же, стр. 73, табл. I).

Табл. 3. Численность хозяйств в Меджибожской волости в 1717 г.[53]

Поселения	Подданные				Евреи				Шляхта	Всего хозяйств
	дедичи	прихожие	неизвестные	всего	дедичи	прихожие	неизвестные	всего		
г. Меджибож	174	324	26	524	27	100	21	148	8	680
х. Довжок	17	4	1	22	—	—	—	—	—	22
х. Золотаренки	5	2	—	7	—	—	—	—	—	7
х. Пронилов	12	8	—	30	—	—	—	—	—	30
х. Шрубков	20	15	—	35	—	—	—	—	—	35
с. Головчинцы	18	38	1	57	—	—	—	—	—	57
с. Голосков	29	107	1	137	—	—	—	—	2	39
с. Дашковцы	—	12	—	12	—	—	—	—	2	14
с. Завойки	1	3	1	5	—	—	—	—	—	5
с. Пархомовцы	25	17	1	43	—	—	—	—	—	43
с. Ярославка	39	27	—	66	—	—	—	—	—	66
с. Терешовцы	67	42	—	109	—	—	—	—	—	109
с. Подлисцы	7	9	—	16	—	—	—	—	—	16
с. Мытковцы	3	51	—	54	—	—	—	—	—	54
с. Волосовцы	3	23	—	26	—	—	—	—	—	27
м. Старая Сенява	93	205	—	298	—	—	—	—	—	298
с. Булае	—	21	—	21	—	—	—	—	—	21
с. Паплинцы	—	21	—	21	—	—	—	—	10	31
м. Новая Сенява	73	171	2	246	—	—	—	—	—	246
с. Гречинцы	23	22	5	50	—	—	—	—	—	50
с. Сёмаки	7	7	—	14	—	—	—	—	—	14
с. Ходковцы	—	51	—	51	—	—	—	—	—	51
с. Калиновка	—	4	—	4	—	—	—	—	5	9
с. Орлинцы	1	38	—	39	—	—	—	—	—	39
с. Везденки	1	56	—	57	—	—	—	—	1	58
м. Миколаев	1	138	—	139	—	50	3	53	—	192
с. Маниловка	—	22	—	22	—	—	—	—	—	22
с. Сёмаки	—	10	—	10	—	—	—	—	1	11
с. Грыновцы	—	4	—	4	—	—	—	—	8	12
с. Копачовка	1	44	—	45	—	—	—	—	—	45
Всего:	620	1506	38	2164	27	150	24	201	38	2403

„dla prędszych dóbr pomienionych osady i restawracji", с правом объявлять слободы на 4 года. Он должен был, кроме того, заселить вхо-

[53] Bibl. Czartor., rkp. 4035. Последовательность названий поселений в табл. 3 предопределена инвентарем. Меджибожская волость состояла из отдельных комплексов (позднее они выделились в ключи), в каждый из которых входили местечко и несколько сел.

дившие в столовое село имение Залесе (Залесцы), Новоселку и Шустовцы, „jeżeliby kto do tych dóbr potrafił". Длужевский обещал через четыре года отдать Контскому все имение в арендное владение.[54]

В начале ноября 1699 г. магнат Ян Конецпольский по заключенному в Язловце контракту отдал шляхтичу Войцеху Лосю за 3 000 злотых в заставную трехлетнюю посессию село Шишковцы в Червоногродском повете „na ten czas funditus zrujnowaną, uroczyska tylko [...] wolną restawracją i osadzeniem [...] z poddanymi gdziekolwiek znaleść by się mogli i ich powinnościami".[55]

В 1700 г. в Каменецкогродском суде был заоблятован документ, согласно которому „войсковая подольская" Дыдынская продала навеки за 6000 злотых шляхтичам супругам Невельским по половине сел Струги и Стружки[56] (на юге Летичевского повета), являющихся её дедичными владениями. Поскольку была „w tych wsiach pustynia", то Невельские обеспечили за собой право начать выплату указанной суммы (по 300 злотых ежегодно) „według możności skoro zaś wsi przerzeczone do swej przyjdą perfekcji".[57]

В этом же году шляхтичи Дидковские,- в счет занятых у шляхтичей Соколовских 500 злотых, отдали им в заставное владение свою часть села Беремян (в Червоногродском повете), т. е. шесть дворищ — Зубово, Скуратово, Чапово, Сидорово, Кущово, Климово.[58] Все они „funditus indesolatione zostają", остальные, а во время заключения контракта их было только трое — дедич Семко и слобожане братья Михайло и Василь — „dla osady poddanych". Из-за пустынности упомянутая часть села отдавалась Соколовским сначала на три года полного владения и лишь потом на три года — в посессию на заставном праве (*modo obligatorio*).[59]

---

[54] КЦГИА, ф. 38 (Каменецкий гродский суд), д. 37, л. 119. Чорнокозинцы, Зеньковцы и Шустовцы были расположены в Каменецком повете, Новоселка и Залесе — в Червоногродском. В XVII в. в состав имения Каменецкого епископства входило еще местечко Черче и села Демковцы, Устье, Грошова, Иване, Нивра, Хропотова, Нигиня (AGAD, Archiwum Skarbu Koronnego, dz. 1, ks. 71, k. 436). — по данным поголовного реестра 1662 г. (Относилось ли и к этим поселениям замечание в упомянутом соглашении о пустынности имения?).

[55] КЦГИА, Ф. 38, д. 37, лл. 124—126. Archiwum m. Krakowa i województwa krakowskiego (дальше: AKWK), Archiwum Podhoreckie Rzewuskich, pudło XVI, 1/47.

[56] В источниках оба села иногда носят названия соответственно — Большая Струга, Малая Струга.

[57] КЦГИА, Ф. 38, д. 37, л. 193. Невельские обеспечивали шесть тысяч злотых своей половиной села Щербовцев, второй половиной которых на дедичном праве владела войсковая подольская Дыдынская.

[58] Что точно означали эти дворища — неизвестно.

[59] ЛЦГИА, Ф. 17, акт кн. 146, стр. 44—46.

В 1701 г. шляхтич Францишек Йордан отдал на заставном праве шляхтичу Мариану Мосцибродзкому в пожизненное владение за взятые у него взаймы 6708 злотых „dobra dziedziczne, to jest pustynią pewną wieś Stare Probóżne rzeczoną za stawem od miasta Nowego Probóżnego [...] leżącą, a raczej samo uroczysko, na którym wieś pomieniona osiadła była".[60]

В 1702 г. подкоморий подольский Марцин Богуш за 3667 злотых пустил в застав Станиславу Матыщинскому свое собственное село Ружичну в Летичевском повете.

„Że zaś te dobra — читаем в составленном по этому поводу документе — in hostico przez niemały czas zostawały, dlaczego się w nich wielka znajduje dezolacja, pozwala się w nich [...] Matyszczyńskim małżonkom poddanych osadzać i zakładać tak zbożem, jako i innymi potrzebami." [61]

В 1707 г. шляхтянка Урсула Высокинская отдала за 5000 злотых шляхтичу Валентину Межеевскому на 12 лет „uroczysko miasteczko Mińkowce od lat kilkudziesiąt pustynią [...] w powiecie Kamienieckim leżące [...] we wszystkim reparacji potrzebujące". Следует отметить, что Минковцы отдавались Межеевскому в простое владение для заселения при помощи слобод сроком на шесть лет „osiadającym i przychodzącym ludziom, jako i nazad dziedzicznym powracajcącym", а на последующие шесть лет — в застав.[62]

Обратимся к материалам других источников. 17 июля 1699 г., еще за два месяца до ухода турецкого гарнизона из Каменца, полковник королевских войск Ян Кросновский, получивший незадолго до этого от короля во владание partykularz od Skalskiego starostwa местечка Цыганы, Глубочек, Саповы, Верхняковцы, Степанковцы (в Червоногродском повете), в своем письменном разрешении шляхтичу Анджею Валевскому на управление этим имением, отмечает, что „pomienione dobra zrujnowane przez wojny zostają i osadzenia potrzebują".

---

60 Там же, Ф. 9 (Львовский гродский суд), акт кн. 183, стр. 1314. Старая Пробужна лежала в Червоногродском повете.

61 ЛГНБ, Ф. Бурштынского замка, д. 129, фасц. 142, л. 235.

62 ЛЦГИА, ф. 5 (Галичский гродский суд) акт кн. 205, с. 1212—1213. Интересно следующее место в документе, составленном при заключении соглашения между Высокинской и Межеевским: „Ponieważ zaś samą tylko pustynię puszcza [...] Wysokińska [...] Mierzejewskiemu, dlatego żaden się tych [Mińkowiec — Н. К.] inwentarz nie spisuje". (там же, стр. 1214). Укажем на тот факт, что в 1701 г. уполномоченный Каменецкого гродского суда Александр Винницкий, вводя во владение Минковцами заинтересованную сторону, отметил в гродской книге в Каменце: „*oppidum* Mińkowce *totum penitus desolatum*" (КЦГИА, ф. 38, д. 36, акт кн. 3766, л. 56). В 1703 г. владельцы Минковцев поставили „*signum terrae infixumalias* słobodę *propter locandos in iisdem memoratis bonis subditos*" (там же, л. 370).

Красновский обязал Валевского „ludzi ojczystych i przedtem mieszkających zgromadzać, także ludzi wolnych, szlachtę służałą i kozaków ludzi rycerskich, tylko poczciwie się rządzących na słobodę zaciągać [...] słobody na lat siedem pozakopywać." [63]

В сентябре 1700 г. червоногродский староста Юзеф Потоцкий, имея, как он сам выразился, „respekt na zasługi dawne Michała Załuskiego, towarzysza chorągwi mojej usarskiej", отдал ему на шесть лет „do osadzenia" урочище, на котором некогда было село Иване, входившее в Червоногродское староство.

Залуский должен был „przy porządnym teraz pokoju to uroczyszcze do pierwszej przywieść perfekcji. Wszystkim ludziom — продолжает Потоцкий, — tak dawnym tamecznym, którzy dla inkursji nieprzyjacielskiej [во время турецкого господства — Н. К.] gdziekolwiek się schronili, a teraz powrócą, jako też i nowoprzychodzącym i osiadającym na tym uroczyszczu pozwalam słobody na lat po sobie idących dziesięć, uwalniając onych od wszelakich in genere danin, daczek, czynszów, robocizn i innych powinności excepto tylko zwyczajnych zaorków, oborków, zakosków, obkosków i zażynków — obżynków".[64]

11 сентября 1700 г. барский староста Станислав Яблоновский обратился с универсалом ко всем жителям города Бара и подданным Барского староства „po różnych miejscach mieszkającym":

„Chcąc do dawnej pomienione miasto i starostwo Barskie przywieść osiadłości — говорится в универсале, — obwieszczam was wszystkich [...] ktorzykolwiek podczas tej przeszłej wojny rozeszliście się, ażeby teraz do swojej braliście się ojczyzny i dziedzictwa własnego, tak w mieście Barze, jako i po wsiach przyległych." [65]

Этот универсал является своеобразным свидетельством плохой заселённости Барского староства. В начале XVIII в., а точнее в 1707 г., в него, кроме Бара, входили четыре местечка, 53 села плюс „*tum alia bona*".[66] Староство находилось в северной половине Летичевского повета.

---

[63] AKWK, Arch Podhor. Rzew., dok.: Konsens JM Panu Walewskiemu na słobodę do Ułanowic, r. 1699, danny w Glinnej (около Пустомыт).

[64] ЛЦГИА, ф. 5, акт кн. 197, стр. 1311—1312.

[65] *Архив Юго-Западной России*, ч. VIII, т. II, стр. 149.

[66] *Архив Юго-Западной России*, ч. VIII, т. II, стр. 161—162. Определенный интерес представляет для нас следующее место письма Жана Досье к А. М. Сенявскому в 1707 г., бывшему тогда барским старостой: „[...] czynszu nie mogę brać z starostwa Barskiego, bo niemasz z czego i z kogo, gdyż całe jest zrujnowane przez Moskwę, kozaków, p. Kaletyńskiego i p. Skorycza [ротмистров Сенявского — Н. К.], nawet do zastawienia stawu Derażeńskiego musiałem ruszyć ludzi z Międzybożczyzny" (Bibl. Czartor., rkp. 5796, s. 41). См. в этой связи: *Архив Юго-Западной России*, ч. VIII, т. II, стр. 162—163. Нам кажется, что разрушенность староства в 1707 г. была в значительной степени связана с опустошениями на его территории во второй половине XVII в. В этом убеждает то, что в начале XVIII в. староство медленно восстанавливалось и заселялось (см. M. Rolle:

В самом начале XVIII в. частыми в Подольском воеводстве были интромиссии, т. е. юридически оформленные вводы возвратившейся шляхты во владения имениями. В некоторых из составляемых при этом записях встречаются краткие сведения о состоянии имений, говорящие о безлюдьи, пустынности. Безлюдными названы такие села: в Каменецком повете (все шляхетские) — Колубаёвцы (в 1700 г.)[67], Боднаров и Быдловцы[68], Крушковцы и Городище[69], Удрыёвцы[70] и Цыкова[71] (в 1701 г.), а в Летичевском повете — Мытки, Кузьминцы, Примощаница и Кошаринцы (все села королевские, причем первые три входили в Барское староство, 1700 г.).[72]

20 апреля 1703 г. шляхтич Антоний Пшесмыцкий извещал письмом из Шаргорода (на границе Подолья с Брацлавщиной) Адама Жевуского, что по поручению последнего он обследовал его имения, находившиеся вблизи того же Шаргорода:

„Mi nigdzie nie trudzono intromisji — писал Пшесмыцкий, — bo nie było komu tylko burzany [...] lepszą miałem relację trafunkiem napadłszy na futorze pasiecznika, któren podczas tych wszystkich kłótni [т. е. во время восстания 1702—1703 гг. и его подавления — Н. К.] wysiedział się pod Berlińcami i dość starego człowieka, ten mi wszystkie pokazywał siedliska ale nie znać tylko burzany i ludzie się nie schodzą, jeszcze się obawiają. Trzeba ażebyś WPan przysłał kogo do zachęcenia ludzi do tych siedlisk, bo od innych Panów są przysłani"[73].

Пшесмыцкий в своем письме не называет имений, в которых он побывал. Но на том же письме написано другой рукой: „List od JMci Pana Plenipotenta Przesmyckiego, pro dokumento, że Łuczyniec i inne dobra wcale devastatae były, tylko burzany".[74] В районе местечка Лучинца Жевуские, начиная с 1661 г. владели селами Горай, Немирче, Романки, Степанки, Хшановка и Лучинчик.[75] Вышеперечисленные села, вероятно, и имел в виду Пшесмыцкий.

Z przeszłości. Okręg Rowski. Starostwo Barskie (do r. 1774), Lwów, 1896, s. 50, 57—58, 62, 64—67, 71; *Архив Юго-Западной России*, ч. VIII, т. II, стр. 165—168).

[67] КЦГИА, ф. 38, д. 37, л. 240.

[68] Там же, д. 36, акт. кн. 3766, л. 22.

[69] Там же, л. 56, Крушковцы и Городище входили в состав Минковецкого ключа.

[70] Там же, л. 78—79.

[71] Там же.

[72] W. Pobóg-Górski: *Powiat Mohylowski w gubernii Podolskiej*, Kraków, 1903, s. 260. Несколько позже, в начале XVIII в. Примощаница оставалась пустынной (Rolle: *op. cit.*, s.57). О том, что Мытки, Кузьминцы и Примощаница в начале XVIII в. входили в Барское староство, см.: *Архив Юго-Западной России*, ч. VIII, т. II, стр. 162.

[73] Pobóg-Górski: *op. cit.*, s. 183.

[74] Там же, стр. 182.

[75] Там же, стр. 182, 184.

В 1711 г. Ян Конецпольский, заверяя коронного референдария Станислава Жевуского и его супругу Людвику Куницкую в том, что он возместит их наследникам сполна затраты Жевуских на восстановление хозяйства в его имении на Червоногродщине (местечко Королёвка, села Королёвка, Вонятынцы, Сковятынцы, Шупарка и Шишковцы)[76], отмечал, что в 1700 г., т. е. когда это имение отошло „*modo obligatorio*" в пожизненное владение Станиславу Жевускому с супругой (за 20 000 злотых, данных ими взаймы Яну Конецпольскому), оно представляло собой „szczerą pustynię [...] na zawojowanym i całe zniszczonym od nieprzyjaciela Podolskim kraju".[77]

Некоторые сведения, касающиеся Подолья, находим в дневнике датского посланника при Петре I Юстуса Юля. Сопровождая русского царя во время прутского похода, он в июле и августе 1711 г. побывал в Подольском воеводстве и кое-что описал из того, что там увидел. О Могилеве над Днестром (в Летичевском повете) он пишет; что он „необитаемый город"[78], и далее „совершенно пуст, впрочем иные дома еще уцелели. В прежнее время это был большой крепкий город, окруженный двойным валом...[79] Но теперь все пусто и разорено: от прежних валов, стен и башен остались одни основания".[80] В своем дневнике Юль отмечает, что Солобковцы — „пустой городок"[81], Бар — „большой, широко раскинувшийся, но (частью) разо-

[76] Шишковцы (в 1699 г.) уже упомянуты выше.

[77] ЛЦГИА, ф. 182 (Жевуских), оп. 2, д. 235, л. 55—56. В 1702 г. с разрешения Яна Конецпольского наследники Станислава Жевуского и Людвики Куницкой получили право владеть упомянутым имением 20 лет после смерти родителей. Лишь по истечении этого срока Конецпольские имели право вернуть Жевуским долг.

[78] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711), *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 1899, кн. 3 (190), стр. 359.

[79] В 1629 г. Могилев внес подымное с 606 дымов-домов (КЦГИА, ф. 36, д. 2, акт кн. 3637, л. 6), а в 1662 г. — поголовный податок с 1384 душ (AGAD, Archiwum Skarbu Koronnego, dz. I, ks. 71, k. 403). Во второй половине XVII в. поголовное не вносилось с детей, не достигших 10 лет, с нищих и некоторых других: „Volumina Legum", t. 5, Warszawa 1738, s. 166—183. (В конце 1671 г. Вердум записал в своем дневнике, что Могилев — „dość obszerny, ludny i ma niezły przemysł" (Liske: *op. cit.*, s. 148).

[80] *Записки Юста Юля...*, стр. 374. В 1713 г., согласно присяге администратора могилевского ключа Павла Гошовского, данной им в Летичевском гродском суде, в Могилеве насчитывалось 142 души, а трех селах ключа (Григоровцах, Броннице и Слышковцах) — 76 душ (*Архив Юго-Западной России*, ч. III, т. II. Киев, 1868, стр. 769—770). Возможно, что Гошовский занизил численность населения, но вряд ли в свете свидетельства Юстуса Юля приходится сомневаться в малолюдности Могилевского ключа в 1713 г.

[81] *Записки Юста Юля...*, стр. 376. Солобковцы — в Каменецком повете.

ренный и запустелый город... населен он преимущественно евреями".[82]

Из письма Жана Десье А. М. Сенявскому от июля 1713 г. видно, что в то время село Баламутовцы в Зиньковском ключе было „пустыней", урочищем, а в селе Бабине (того же ключа), еще недавно бывшим „пустыней", уже осело несколько подданных и чиншевых шляхтичей.[83]

В 1720 г. Францишек Цетнер во время проверки состояния собственного имения — Новоконстантиновского ключа [84] (в северной части Летичевского повета) вел интересные записи. Между прочим он отмечает, что еще в 1702 г. (до народного восстания на Подолье) после получения ключа от своих братьев Александра и Юзефа он лично его обследовал. Тогда в ключе (а фактически в одном Новоконстантинове), пишет Цетнер „zastałem Pobłockiego unteroficera, z woli brata mego Józefa mającego gubernię i kilkunastu poddanych dziedzicznych, jako ich teraz zowią staryncy".[85] Ключ, как видно, достался Цетнеру почти безлюдным. Таким он оставался еще долго: в 1720 г. лишь местечко Новоконстантинов и села Думенка и Дяковцы были заселены, да и то слабо [86], а местечко Вербовка и 11 сел были „пусты".[87]

В 1729—1730 гг. в Каменецкогродском суде рассматривалось дело о нападениях подданных Вавжинца Лянцкоронского из Жванецкого ключа на жителей местечка Звиногрод и сел Латковцев и Трубчина, входивших в Звиногродское староство (на юго-востоке Червоногродского повета). Эти нападения были вызваны стремлением Лянцкоронских присвоить себе часть земель Звиногродского староства. Ян

---

[82] Там же, стр. 355. В 1712 г., согласно заявлению барского губернатора Павла Щитинского в Летичевском гродском суде, сделанному по поводу уплаты подымного податка, в Баре „ludzi ciągłych 43, pieszych 18, żydów 16". (*Архив Юго-Западной России*, ч. VIII, т. II, стр. 156). Здесь явное преувеличение последствий опустошений для Бара, но все же приведенные цифры говорят о большой разрушенности города. Для сравнения: в 1629 г. по люстрации в Баре насчитывалось 952 дома (AKWK, Archiwum Sanguszków, rkp. 92, s. 285—287).

[83] Bibl. Czartor., rkp. 5795, s. 415. Село Бабинцы (Бабин) в 1629 г. внесло подымное с 42 дымов-домов (КЦГИА, ф. 36, д. 2, акт кн. 3637, л. 8).

[84] В ключ тогда входили: местечка Новоконстантинов (дедичное) и Вербка (королевское), села: государственные — Вербовчик, Кудынка, Кердановка, Гуле, Зиновинцы, дедичные — Педосы, Яновцы, Лука, Лучинцы, Думенка, Тесы, Дяковцы (ЛЦГИА, ф. 181, оп. 2, д. 1798, л. 73).

[85] Там же, л. 72.

[86] В Дяковцах „osiadło kilka szlachty", в Думенке — 15 хозяйств подданных на слободах и одно шляхетское хозяйство, в Новоконстантинове — 142 хозяйства подданных, в том числе 40 на слободах (там же, л. 73). Для сравнения: в 1629 г. Дяковцы внесли подымное с 84 дымов-домов (КЦГИА, ф. 36, д. 2, акт кн. 3637, л. 13, 57), а Новоконстантинов — с 474 (там же, л. 3).

[87] ЛГЦИА, ф. 181, оп. 2, д. 1798, л. 3.

Богуш, звиногродский староста, привел с собой в суд для дачи показаний относительно спорных земель давних сторожилов староства. Дольше всех прожившим в старостве оказался подданный из Звиногрода Семен Минка, заявивший на суде: „już tu mieszkam lat trzydzieści od Tureczczyzny na tym miejscu".[88] Думается, что этот факт дает основание отнести Звиногродское староство к сильно опустошенным имениям Подолья конца XVII в.[89] Кроме названных поселений в конце XVII — в первой половине XVIII в. в это староство входили еще села Волковцы, Бабинцы, Звиняч.[90]

Очень ценным является документ, относящийся к концу первой половины XVIII в. и представляющий собой разбор многолетней тяжбы между Лянцкоронскими и Залускими. Лянцкоронские требовали, чтобы Залуские возвратили им Борщевский и Улашковецкий ключи (местечка Борщев и Улашковцы, села Заболотовка, Милёвцы, Свидова, Борщовка, Мушкатовка и Мушкатовецкая Слободка)[91], которыми Залуские владели *jure obligatorio* с самого начала XVIII в. и которые *jure haereditario* принадлежали Лянцкоронским. Последние готовы были вернуть Залуским давний долг 200 000 злотых, чтобы выкупить имения, но Залуские требовали еще денежного возмещения больших затрат, понесенных якобы их родителями — равским каштеляном Яном Залуским и Людвикой — на восстановление и заселение упомянутых ключей. Претензии обеих сторон были выслушаны представителями Галичского гродского суда в 1747 г. в Улашковцах. В связи с требованием Залуских компенсировать указанные затраты определенное место в разбирательстве заняло выяснение того, в каком состоянии достались Людвике Борщевский и Улашковецкий ключи после ухода турок из Подолья. Людвика в то время была вдовой подкомория подольского Гиеронима Лянцкоронского, женой Яна Залуского она, вероятно, стала в 1700 или в 1701 гг.[92]

---

[88] ЛГНБ, ф. Бурштынского замка, д. 136, фасц. 180, л. 86—89.

[89] В этой связи вызывает доверие к себе такое место в повторном привилее Августа II Мартину Богушу на владение Звиногродским старостовом (1703 г.): М. Богуш „*ad* [...] *deserta et steriliter iacentia* [bona = староство — Н. К.] *homines conduxit, subditos locavit et ad conditionem meliorem propriis suis impensiseadem bona reduxit*". (там же, л. 16—17). Первый раз привилей на староство М. Богуш получил в 1698 г., причем староство в нем названо „пустынным" *(desertum)* (там же, л. 6).

[90] Там же, л. 6 (1698 г.), 26 (1715 г.); 137, фасц. 182, л. 312—315 (1729 г.), 316—319 (1730 г.).

[91] Оба ключа в Червоногродском повете.

[92] Умирая в 1697 г., Г. Лянцкоронский оставил Людвике в пожизненное владение все свои подольские имения (Борщевский, Улашковецкий, Жванецкий и Ягельницкий ключи), но собственником их *juro haeditario* становился племянник покойного Францишек Лянцкоронской. Ему в 1699 г. Людвика усту-

Интересы Залуских на суде защищал их опекун — краковский епископ. Основываясь, видимо, на каких-то материалах, подтверждающих мысль, что Людвика, прибывши на Подолье для приступления во владение Борщовским и Улашковецким ключами, краковский епископ утверждал:

„[...] nie tylko do nich trafić, ale ledwie dopytać się mogła, gdzie przedtem były, ponieważ żadnego w nich nie zastała człowieka ani kołka zatkniętego, tylko grunta, miejsca wszystkie, pola, sianożęcie samymi chaszczami, lasami, burzanami zarosłe; zgoła dla samych bestii i różnego zwierza, nie dla ludzi było pewne mieszkanie [...] dopytawszy się — продолжал епископ, — gdzie stał przedtem Borszczów kazała ludziom swoim dworskim między kudrami i zawalinami sklepisko stare wokoło wyjąć, opalić [...] dla mieszkania, w którym osadziwszy niejakiego pana Węgrzynowskiego i przydawszy mu osadców czterech, pryncypalnego Wasyla ze wsi Borowa spod Złoczowa po wszystkich dóbr tych pustych miejscach drugich kazała rozesłać i zostawiwszy przy tym p. Węgrzynowskim summę swoją znaczną pieniężną na erygowanie tych dóbr de nowa radice i kilka cugów koni swoich zostawiwszy do Polski odjechała. Tenże pan Węgrzynowski po wszystkich miejscach okolicznych bliższych i o mil kilka posyłał najmowanych ludzi na obwołanie słobody tam, gdzie przedtem były Borszczów i Ułaszkowce ze wsiami, na lat dwanaście, a drugim najemnikom miejsca, pola, sianożęcia wycinać, wypalać, kopać kazał." [93]

Уполномоченные Галичского гродского суда выслушали показания шести подданых—сторожилов обоих ключой, поселившихся там вскоре после ухода турок из Подолья. Вот что заявили пятеро из них относительно того, что собой представлял этот край после возвращения его Речи Посполитой: „Prawda, że tylko jedne zwierzęta były w Podolu po Tureczczyźnie, a ludzie cale nic nie było" (Якуб Жихович из Борщева, 69 лет), „że był pusty kraj, wszyscy wiedzą" (Луць, 80 лет); „To jest wszystkim wiadomo, że pustynia była w Podolu po Tureczczyźnie (Кшисько, 60 лет); „Cały świat o tym wie, że Podole puste było" (Михаил Муляр, 60 лет); „Wszyscy wiedzą, że Podole puste było" (Гнат Латко, 70 лет).[94]

Таким образом, в однообразной и слишком общей форме подданные подтвердили приведенное выше заявление епископа. Может показаться, что в даче таких показаний они были побуждаемы боязнью

пила право пожизненного владения всеми четырьмя ключами, взамен чего Францишек обязался заплатить ей 100 000 злотых и плюс к ним 100 000 злотых — долг ей Гиеронима Лянцкоронского. Означенную сумму Францишек внести не смог и в обеспечение ее в том же году заложил Людвике Борщевский и Улашковецкий ключи (ЛГЦИА, ф. 181, оп. I, д. 2626, л. 94, д. 2635, л. 6—7). В одном из документов 1701 г. Людвика названа женой равского каштеляна Яна Залуского (КЦГИА, ф. 38, д. 36, акт 3766, л. 86).

[93] ЛЦГИА, ф. 181, оп. I, д. 2626, л. 94.

[94] ЛЦГИА, ф. 181, оп. I, д. 2626, л. 104, 108а, 110, 112, 113. Иван Пастернак из Милёвцев (70 лет) о состоянии на Подолье ничего не сказал.

расправы со стороны их владельцев Залуских, желанием угодить им. Но документ свидетельствует и о том, что они немало заявили и такого, что противоречило показаниям епископа, следовательно, было выгодно Лянцкоронским.[95] Это обстоятельство придает черты правдивости, достоверности сказанному епископом и подданными о состоянии Подолья в самом конце XVII в. и в начале XVIII в. Конечно, опустошенность была ими преувеличена, но она была огромной, и в этом нельзя сомневаться.

Наконец, укажем еще на один источник. Речь идет о подымном реестре Каменецкой земли[96] за 1710 г. Из 361 поселения, упомянутого в нем, 58 (все села) названы „пустыми".[97] Надо сказать, что этот реестр, как и вообще подымные списки первой половины XVIII в., требует к себе весьма критического отношения, но тем не менее вполне вероятно, что, называя те или иные села „пустыми", составители имели для этого определенные основания. Возможно, что не все названные „пустыми" села были безлюдными, но малая заселенность их несомненна. Удалось установить принадлежность 55 „пустых" сел к Червоногродскому или Каменецкому поветам.[98] К первому из них относятся 13 сел: королевское — Иванков, духовное — Нивра, шляхетско-магнатские — Цаповцы[99], Бордяковцы, Хартановцы, Хмелёвка, Худыковцы, Иляшевка (Иляшковцы), Ивановцы, Юрковцы, Криве, Мельница, Половцы, к Каменецкому повету — 42 села: королевские — Гуков, Ярославка, церковные — Цыбулевцы, Павликовцы, Пудловцы, Шустовцы[100], Зубровцы, шляхетско-магнатские — Балакер, Бедрыховцы, Ходаковцы, Чабаны, Демьянковцы, Грушка, Гапановка, Голозубинцы, Горочовка[101], Исаковцы, Янчинцы, Качубиев, Карапчиев Напольный, Колодеевка, Краснолука, Красноставцы Лясковцы, Лысогорка, Олексинец Напольный, Плебановка, Примасовка, Переворотье, Руда, Речинцы, Слободка Карапчиевская, Сло-

---

95 Так, например, подданные фактически отрицали приводившиеся епископом факты оказания денежной и материальной помощи крестьянам и мещанам со стороны Людвики и Яна Залуского; они также заявили, что слободы длились не 12 лет, а 3 года и т.д. (там же, л. 94—95, 98, 104—113).

96 В Каменецкую землю входили Червоногродский и Каменецкий поветы.

97 ЛГНБ, ф. Сапег, тека 44/45 I, № 3613, л. 5—11, 16. В Летичевском повете в 1710 г., согласно подымному реестру, которым пользовался Бялковский (Białkowski: *Na rubieży...*), было также много „пустых" сел. Бялковский, однако, не приводит конкретных данных.

98 Остальные три села: Баковец, Брыконь, Лычковцы.

99 Цаповцы уже упоминались выше.

100 О Шустовцах см. выше.

101 В XVII в. это село называлось Горечкова Слобода и относилось к Дунайгородскому ключу (КЦГИА, ф. 36, д. 2, акт. кн. 3637, л. 16).

бодка Скипецкая, Слободка Студеницкая, Субоч, Суржинцы, Шатава, Тарнава, Татковцы, Теремцы, Вишневчик.

Материал использованных источников в сумме охватывает 24 города и местечка и 246 сел [102], что составляет 27,7% всех подольских поселений (974, в том числе 72 городских), насчитанных нами для первой половины XVII в. (1669 г.). Лучше представлены Летичевский повет (165 поселений из 489 в 1629 г.) и Червоногродский (49 из 145), хуже Каменецкий повет (56 из 340), занимавший центральную часть воеводства.[103] Из всего количества городов и местечек магнатско-шляхетских было 13, королевских — 10 и одно церковное, среди сел, соответственно — 145, 92 и 9.

Приведенные факты убеждают в том, что в самом конце XVII в. Подолье было крайне разрушено. Пустынность и малолюдье были характерны для самых различных районов края. Отсюда понятно, почему в одном из решений Варшавского сейма в 1699 г. было записано, что ,,wszystkie wsie i miasta w województwie Podolskim są z ludzi ogołocone" [104], почему автор хроники Польши времен Августа II, говоря о прибытии на Подолье шляхты (после его возвращения Речи Посполитой), добавлял, что шляхта оседала ,,w pustyniach" [105], почему упоминавшийся выше Ш. Церенович писал, что Подолье ,,dziką prawie ańczarychą było".[106]

Возвращаясь, подольская шляхта не всегда могла узнать названия поселений, существовавших до турецкой оккупации. Вот два примера, подтверждающие это. В акте интромиссии, состоявшейся в 1699 г., сказано, что каменецкий каштелян (?) вводится во владение в Летичевском повете 9 местечками и 26 селами и теми местностями, названия которых забылись.[107] В 1705 г. великий маршалок ко-

---

[102] Мы не учитываем пяти сел Хмельницкого староства, названия которых не встречаются в документах XVIII в. (см. выше).

[103] О численности поселений в Подольском воеводстве в 1629 г. см.: Крикун: *Народонаселение...*, стр. 9.

[104] „*Volumina Legum*", t. 6, Warszawa 1739, s. 63. В решении сейма сказано дальше, что людей „jednych nieprzyjaciel zabrał, drudzy w różne rozeszli się kraje" (там же). Тот же сейм, „widząc zniszczone przez tak wiele lat *in possesione hostili* będące województwo podolskie", освободил его на 10 лет от всех податей (там же, с. 62).

[105] E. Otwinowski: *Dzieje Polski pod panowaniem Augusta od roku 1849*, s. 12.

[106] ЛГНБ, ф. Оссолинских, д. 3268, т. I, стр. 31.

[107] КЦГИА, ф. 38, д. 36, акт кн. 3766, л. 7: „*tum et alia praedia, oppida, villas, quae his generaliter ex defectu specificationis et scientiae cognominum, ob desolationem subsequutam, specificari nequerunt*". (Уполномоченный Каменецкого гродского суда при интромиссии шляхты — Н. К.).

ронный Людвик Белинский, отдавая ротмистру своей хоругви Каспару Нестоевскому земли на 50 дворищ в селе Копыстырине (близ Шаргорода в Летичевском повете), отметил в универсале, что около Копыстырина расположена безлюдная местность, на которой некогда существовали два села, но их названий копыстыринцы не помнят.[108]

Из-за большой опустошенности и малолюдности Подолья шляхте нелегко было определять границы своих владений. Поэтому неминуемы стали после ухода турок многочисленные и продолжительные споры, процессы за земли.[109] В связи с вопросом о границах имений Подольского воеводства в июле 1702 г. сеймик решил провести ревизию земских (каменецких и летичевских) книг.[110] Для определения границ владений пользовались, в частности, свидетельствами подданных-старожилов. Так, например, в 1703 г. „*ab antiquo haereditarius*" из Бедрыховского Гродка (Каменецкий повет) Ян (74 года) рассказал в Каменецком гродском суде о давних („*ab antiquo*") границах земель, принадлежавших названному местечку.[111]

После возвращения Подолья Речи Посполитой началось его заселение. Оно завершилось в основном к концу первой половины XVIII в.[112] и явилось одним из основных факторов восстановления хозяйства и производительных сил. Но еще долго были видны последствия громадных опустошений, испытанных воеводством во второй половине XVII в.

---

108 ЛГЦИА, ф. 5, акт кн. 201, стр. 726.

109 Otwinowski: *op. cit.*, s. 12.

110 *Архив Юго-Западной России*, ч. III, т. 2, стр. 431—432.

111 КЦГИА, ф. 38, д. 36, акт кн. 3766, л. 350. К свидетельствам подданных-старожилов о границах шляхта обращалась даже в конце первой половины XVIII в. В этом отношении показателен такой пример. При решении в 1743 г. спора о границах между местечком Товстым (оно принадлежало М. Лосю), с одной стороны и селами Городищем, Миколаевкой и Угриновкой (ими владел В. Лянцкоронский), — с другой стороны (все названные поселения в Червоногродском повете), давали показания из Товстого Гринько Крогулецкий (90 лет), Гаврило Гриб (80 лет) и Петро Марковый (70 лет). Первые два поселились в местечке „zaraz po oddaniu Kamieńca drugiego roku" ...", третий „po Tureczczyźnie przyszedł od Tłustego" (ЛЦГИА, ф. 181, оп. I, д. 1261, л. 62—68).

112 Крикун: *Народонаселение...*, стр. 18. Частично проблемы заселения Подолья в первой половине XVIII в. автор коснулся также в статье *Wteczi na Podilla w perszij połowyni XVIII st.*, „Wisnyk Lwiwśkoho uniwersytetu im. Iw. Franka, serija istoryczna, wypusk 3, Львов 1965, стр. 61—67.

Z zagadnień zaludnienia województwa podolskiego w końcu XVII w.

Streszczenie

Zagadnieniem stanu zaludnienia województwa podolskiego w końcu XVII w., tj. po jego odzyskaniu przez Rzeczpospolitą w 1699 r., zajmował się szereg badaczy. Ich sądy — zwykle sprowadzające się do tego, że Podole powróciło do Polski prawie zupełnie bezludne lub bardzo słabo zaludnione — nie zostały w dostatecznej mierze poparte dostępnymi materiałami archiwalnymi.

Autor niniejszego artykułu dla zbadania tego zagadnienia wykorzystał najbardziej interesujące źródła, znajdujące się w różnych archiwach, oraz zbiory rękopisów z bibliotek. Wspomniane źródła, powstałe w przeważnej mierze w latach 1700—1710, dają możność oceny, w jakim stanie zaludnienia znajdowały się podolskie miasta, miasteczka i wsie po odejściu Turków.

Wykorzystane źródła dotyczą w sumie 24 miast i miasteczek, 246 wsi, co stanowi 27,7% wszystkich podolskich miejscowości (974 w tym 72 typu miejskiego) w pierwszej połowie XVII w. (1629). Najlepiej przedstawione są powiaty latyczewski (165 zamieszkałych miejscowości z ogólnej liczby 489 w 1629 r.) i czerwonogrodzki (49 ze 145), gorzej kamieniecki (56 z 340). Z całej liczby miast i miasteczek magnacko-szlacheckich było 13, królewskich 10 i jedno cerkiewne, wśród wsi odpowiednio — 145, 92 i 9.

Dokumenty przekonują, że w końcu XVII w. Podole było nadzwyczaj zniszczone. W równym stopniu cechą charakterystyczną była pustynność i słabe zaludnienie różnych rejonów województwa.

Problèmes de la population de la voïvodie de Podolie vers la fin du XVII-e s.

Résumé

Le problème de l'état de population de la voïvodie de Podolie vers la fin du XVIIe s., c.-à-d. après la récupération par la Pologne de ce territoire précédemment envahi par les Turcs, éveillait l'intérêt de plusieurs chercheurs. Leurs points de vue, se limitant d'habitude à la thèse que la Podolie était revenue à la Pologne presque dépeuplée ou très faiblement peuplée, n'ont pas été suffisamment appuyés sur les matériaux accessibles d'archives.

L'auteur de cette étude, pour examiner à fond le problème, a mis à profit les sources les plus intéressantes trouvées dans divers archives

et collections de manuscrits des bibliothèques. Ces sources, datant pour la plupart de 1700—1710, permettent de faire l'évaluation de l'état de population des villes, villages et campagnes de Podolie après l'expulsion des Turcs. Ce sont surtout les livres d'inventaire, les actes dressés lors de remise des propriétés foncières à bail ou en gage, les lettres des administrateurs des propriétés à leurs propriétaires, etc., qui y prédominent.

Les sources mises à profit comprennent en somme 24 villes et villages et 246 campagnes, ce qui fait 27,7% de toutes les localités de Podolie (qui se chiffrent par 974, y compris 72 du type urbain) dans la première moitié du XVIIe s. (1629).

On a le mieux présenté le district de Letyczew (165 localités habitées du nombre total de 489 en 1629) et celui de Czerwonogród (49 des 145); la présentation de celui de Kamieniec (56 des 340) est pire.

Parmi tous ces villes et villages, 13 appartenaient aux magnats et à la noblesse, 10 — au roi, 1 à l'église orthodoxe; parmi les campagnes il y en avait, analogiquement, 145, 92 et 9.

Les documents donnent l'image de grandes dévastations de la Podolie vers la fin du XVIIe s. Le désert et la densité de population très faible dans divers régions de la voïvodie étaient des traits caractéristiques de ces terrains.

Papier druk. sat. III kl. 80 g | Format 70 × 100 | Druku str. 26
Annales UMCS Lublin 1967 | Lub. Zakł. Graf. Lublin, Unicka 4 | Zam. 864. 11.III.68
700 + 50 egz. C-3 | Manuskrypt otrzymano 11.III.68 | Druk ukończono 12.X.68